

Оглавление

Пролог.....	7
Глава I. ПАРЕНЬ ИЗ АКРОНА	12
Глава II. НБА	74
Глава III. БОЛЬШЕ, ЧЕМ СПОРТСМЕН	235
Эпилог	282

Пролог

Слэм-данк — это как полет: естественный и свободный одновременно. Часть игры и самое зрелищное ее движение, самое культовое. Если умеешь делать слэм-данк — значит, и играть ты умеешь. Если делаешь слэм-данк — значит, ты уже не один из многих, ты что-то показываешь. Показываешь себя и то, что ты можешь.

Первый слэм-данк для паренька, мечтающего добиться чего-то с баскетбольным мячом в руке, — это обряд посвящения, как первое в жизни бритье. Переход в другое измерение, туда, где обитают твои супергерои — Майкл Джордан, Коби Брайант и все те, кто смотрит на тебя с постеров, которые ты повесил в своей комнате. Ты можешь жить в Маниле, в доме на Венис-Бич с видом на пляжные площадки, или в Нью-Йорке, около «Ракер Парка», храма игры на открытом воздухе, куда чемпионы НБА приходят сразиться с уличными баскетболистами, — в любом случае, когда ты впервые делаешь слэм-данк, ты чувствуешь себя одним из них, равновеликим. Ты чувствуешь, что готов.

«Слэм-данк нельзя описать. Ты должен испытать это чувство замирания в воздухе, чтобы полностью осознать, что это такое. Это как тату: пока не сделаешь — не поймешь».

Спортзал средней школы «Ридингер» в Акроне, штат Огайо, заполнился до отказа. Такого никогда не было на матчах между учителями и школьниками, которые много лет назад придумал учитель физкультуры Джеймс Дональд. Для ребят это возможность выиграть и доказать, что, по крайней мере, на площадке они главнее, а для преподавателей — возможность обыграть молокососов, преподавать им

урок, разъяснить, что им еще предстоит очень долгий путь. И список победителей матчей прошлых лет напоминал об этом.

Но в тот день ожиданий было больше обычного — настолько, что событие включили в расписание занятий, дав возможность поучаствовать в нем всем. В воздухе витало напряжение. Над преподавателями впервые нависла угроза проигрыша. Школьная команда не уступила ни в одном матче в своей возрастной категории. Все победы были заслугой того, кто возвышался над остальными, и не только ростом. Его звали Леброн Рэймон Джеймс.

Команда учителей опасалась его настолько, что для уверенности в победе над ним и его командой запросила подкрепление из местного департамента полиции. Но массы мышц и энергии молодости здоровяков, вставших на площадке плечом к плечу с преподавателями, в этот раз оказалось недостаточно. Школьники играли лучше и к перерыву привезли учителям больше двадцати очков. И преподаватели, не способные сдержать этого Леброна, запаниковали. Он был беден, рос со своей юной мамой, без отца, и его будущее было под большим вопросом, но с баскетбольным мячом он был действительно хорош. Пугающе хорош. Насколько, что горожане, следящие за студенческим баскетболом, были готовы поставить на то, что когда-то он чего-то добьется.

Однако делать слэм-данк — это другое. Леброн обожал баскетбол, все перемены проводил в зале, бросая мяч в корзину, но слэм-данки в матчах не делал. Даже и не пытался никогда.

Смогу ли? Способен ли? Такие сомнения останавливают любого паренька, который умеет бросать мяч в корзину, но еще не понимает, как прыгать, отталкиваясь с нужной силой, чтобы вбить мяч в кольцо. Сделать это впервые в матче означает показать себя. Нужно чувствовать готовность к этому — готовность и к успеху, и к неудаче.

ТОТ САМЫЙ ПАРЕНЬ,
ОДИН ИЗ НАС, ЛЕБРОН.
ПОЛУЧАЕТСЯ,
ОН ДЕЙСТВИТЕЛЬНО КРУТ.
ОН ДЕЙСТВИТЕЛЬНО МОЖЕТ
ЧЕГО-ТО ДОБИТЬСЯ.

Началась вторая половина матча. Профессор Дональд повел мяч со своей половины площадки, соображая, как лучше развивать атаку. Леброн воспользовался его неуверенностью, отобрал мяч и повел его к кольцу. Проф был слишком медленным, чтобы догнать его. И чем ближе Леброн был к щиту, тем отчетливее понимал, что настал тот самый момент.

Он бежал, вел мяч, а в голове его крутилось то наставление, которое учителя повторяли ему целый год: если не будешь стараться — закончишь на улице. Те самые учителя, против которых он сейчас играл. Но здесь самый сильный — он, и пора показать им это.

Первый шаг.

«Я могу это сделать».

Второй шаг.

«Я должен это сделать».

Внезапно зал исчез, исчезли болельщики на трибунах, орущие школьники.

Остались только Леброн и его судьба.

Он оттолкнулся изо всех сил, что у него были, как будто его жизнь и его будущее зависели от этого. Прыгнул так высоко, что руки оказались выше кольца корзины. И мощно ввалил в нее мяч.

Слэм-данк!

Первый слэм-данк.

Он меняет все. Потому что теперь ты знаешь, что можешь его сделать, ты можешь повторять его много-много раз. Это доказательство, которого ты ждал. Это может стать работой, способом выйти из угла, стать кем-то большим, нежели бедным пареньком из Акрона.

Леброн захотелось проснуться назавтра студентом колледжа, ему уже представлялась профессиональная карьера в НБА. Он почувствовал причастность к этому миру уже сейчас. Сколько всего мелькает в голове мальчишки в короткие мгновения полета, который кажется ему бесконечным!

«Когда я понял, что слэм-данк получится — это было потрясающе».

Игра остановилась на секунду, как будто всем нужно было осознать то, что они сейчас увидели. Парень сделал слэм-данк, он правда его сделал. Тот самый парень, один из нас, Леброн. Получается, он действительно крут. Он действительно может чего-то добиться.

Вернувшись на землю, Леброн сорвал аплодисменты и, отбегая в центр площадки и улыбаясь — эта улыбка будет на его лице всегда, когда он будет выходить на паркет с баскетбольным мячом в руке, — поймал взгляд профессора Дональда. Как бы говоря ему: «Порвали мы вас, а?»

Школьники выиграли. Впервые победили учителей — благодаря пареньку, который в свои тринадцать лет уже пережил то, что не должен переживать ни один ребенок. Его мама Глория гордилась им; она родила его в шестнадцать лет, с трудом могла прокормить и одеть его, стремительно росшего, делала все, чтобы удержать его подальше от всяких бед.

Матч закончился, зрители, довольные великолепным зрелищем, потихоньку расходились, уже думая о том, чем занять остаток дня. А вот профессор Дональд отлично понимал, что произошло на площадке.

Поэтому он терпеливо дождался, пока зрители разошлись, убедился, что остался один. И, вернувшись на паркет, подошел к щиту, снял сетку с корзины и унес ее домой.

Глава I

ПАРЕНЬ ИЗ АКРОНА

1

Факт появления на свет 30 декабря 1984 года Леброна Рэймона Джеймса по-настоящему заботил только одного человека: его мать.

«Со своим животом она разгуливала гордо — это был ее второй год в Центральной старшей школе Акрона».

С Энтони МакКлилендом у нее было просто приключение, ночка-другая, но Глории вовсе не приходило в голову избавиться от ребенка, который рос внутри нее. Материнство в шестнадцать лет она не считала ни кошмарным, ни стыдным. К тому же она привыкла жить в большой семье, с бабушкой, мамой, братьями — одним человеком больше, какая разница? Забеременев, Глория стала считать малыша Леброна частью ее семьи. Самой семьей.

Она этого не знала, но у нее, очень молодой матери, было множество подруг. Подростковые беременности считались общественной язвой, а статистика свидетельствовала, что ее любимец Леброн, будучи незаконнорожденным бедной афроамериканкой, с огромной долей вероятности был обречен на безвестность. Плюсом было только то, что жизнь сразу говорила: хочешь чего-то — бейся за это. До твоего будущего никому нет дела, ты сам должен его создать. В Акроне — тем более.

Если и есть место, одно название которого уже звучит как приговор, то это Акрон. Не то чтобы ад, но нечто очень похожее. Городишко на северо-востоке Огайо, в самой бедной части одного из тех уголков Америки, где волна промышленной революции, откатываясь, оставила бедность,

ничету и их естественное следствие — преступность. Благополучие остановилось в полусотне километров от них, в Кливленде. Шопинга, красивых набережных, вилл с бассейнами и многого другого в Акроне нет. Это то, что называется упадком. Акрон — одно из тех мест, где ничто не принимается в расчет, где ты чувствуешь себя в опасности, даже когда идешь по центральным улицам. И если у тебя есть крыша над головой для укрытия от холодной, никак не заканчивающейся зимы, или от лета, которое, наступив, мгновенно становится слишком жарким, то прийти под конец дня домой, не будучи подстреленным, ограбленным или порезанным, принести что-нибудь горячее на ужин твоей семье — это уже огромная удача.

Это тяжелое существование для кого бы то ни было. Но если ты афроамериканец, то тебе еще тяжелее. Ты лавируешь между попытками честно заработать на жизнь на одной-двух низкооплачиваемых работах, которые белым не по душе, и вечным искушением вступить в одну из банд, предлагающих тебе легкие деньги, защиту — пожалуй, и наркотики, — а взамен требуют твою жизнь.

Но ты должен научиться держаться подальше не только от тысячи кривых дорожек города. Зачастую нужно избегать еще и правильных дорог. Несмотря на всех Мартинов Лютеров Кингов, которыми полна история, здесь родители все еще учат детей прятаться при виде полицейской машины — всякому понятно, что если у тебя неправильный цвет кожи, то от людей в форме ты скорее получишь неприятности, нежели защиту.

Энтони МакКлиленд был частью преступности, делавшей улицы Акрона опасными. Он был одним из тех многих сбившихся с пути, не имеющих будущего, бесцельно болтающихся по улицам с одной мыслью: дожить до конца дня, не попав в беду. Он тоже мог бы оказаться в мире спорта, даже в баскетболе, но единственной способностью, которую он в себе развивал, было попадание в тюрьму по

разным обвинениям — от краж до поджогов — и освобождение из нее. Проще говоря, отцовство не входило в его планы. Ему и так было о чем заботиться, помимо этой Глории, случайной знакомой, его случайной связи. И помимо ребенка, росшего внутри нее. Если он ей так нужен — пусть оставит себе.

В тот день 30 декабря в больничном холле не было беспокоящегося папы, жаждущего увидеть своего сына, узнать, здоров ли он, похож ли на него. Не будет и папы, поддерживающего ребенка при первых его шагах, заботящегося о том, чтобы ему всего хватало. Дающего понять, что сын важен для него. Но и это отсутствие тоже означало кое-что:

«Эй, папа, вот что я тебе скажу. Я тебя не знаю, не представляю, кто ты, но ты — часть того, кем я стал. Тебя там не было, и в том числе и поэтому я рос так, что в итоге стал тем, кем стал. Отчасти из-за того, что тебя не было, я теперь такой решительный в достижении чего-либо. И если бы у меня было двое родителей, две сестры, собака и сад, окруженный забором, то у меня, может, и не было бы потребности помогать расти тем, кто рядом со мной».

2

Хикори-стрит — улица, идущая от центра Акрона на запад, асфальтовое полотно с деревьями по обочинам, пролегающее параллельно железной дороге и отделенное от нее растительностью. Кажется, что эти рельсы были здесь всегда и всегда обозначали границу между двумя частями города — бедной и очень бедной. Вторую называют Бундокс, и для того, кто живет в центре Акрона, это одно из тех мест, которых надо избегать, где лучше не оказываться даже случайно. Что-то вроде гетто, населенного в основном афроамериканцами.

ЭТО ТЯЖЕЛОЕ
СУЩЕСТВОВАНИЕ
ДЛЯ КОГО БЫ ТО НИ БЫЛО.
НО ЕСЛИ ТЫ
АФРОАМЕРИКАНЕЦ,
ТО ТЕБЕ ЕЩЕ ТЯЖЕЛЕЕ.